e-ISSN 3060-5059
DOI: 10.67227

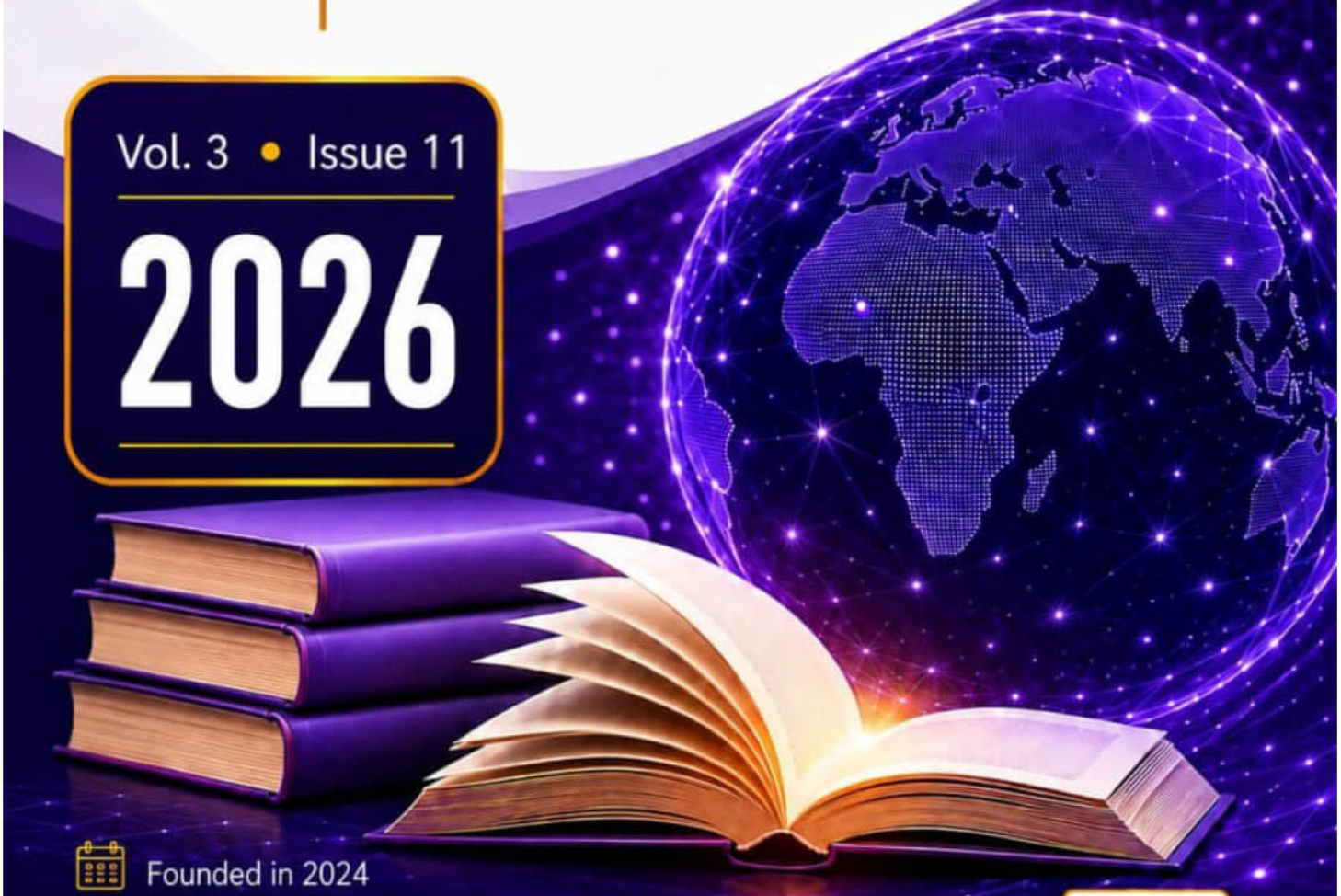
IJTIMOIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNAL

Scientific and Innovative Research in Social and Humanitarian Studies

Vol. 3 • Issue 11

2026

Founded in 2024

publishscience.uz | publish_science_journal@mail.ru

PEER REVIEWED • OPEN ACCESS

ISSN 3060-5059 (Online)
Article / Original paper https://doi.org/10.67227/9a38rj69

M. A. BULGAKOVNING «MASTER VA MARGARITA» ROMANIDAGI QAHRAMONLAR ISMLARI TIZIMI

Ismailov O‘sarjon Usubjonovich
Is’hoqxon Ibrat nomidagi Namangan davlat chet tillari instituti, (PhD).
e-mail: usaarjoni@gmail.com **ORCID**: https://orcid.org/0000-0003-3276-2061

Annotatsiya.
Mazkur maqolada M. A. Bulgakovning Master va Margarita romanidagi qahramonlar ismlari yaxlit tizim sifatida ko‘rib chiqilib, unda nomlash usuli qahramonning asardagi olamlardan biriga mansubligini ko‘rsatishi tahlil qilinadi. Roman matni hamda Ye. Yu. Kolishevaning monografik tadqiqoti asosida ismlarning to‘rtta guruhi ajratib ko‘rsatiladi: asar sarlavhasida keltirilgan qahramonlar ismlari, Ivan Bezdomniyning ko‘p bosqichli nomlanishi, «Moskva» boblaridagi satirik ismlar, Yershalaim boblari qahramonlari va Voland mulozimlarining ismlari. Romanda nomlashning uchta tamoyili — to‘qima ism yaratish, ishonarli ism tanlash va ismsizlik mavjudligi ko‘rsatib beriladi. Ushbu tamoyillar «haqiqat — yolg‘on», «asl — soxta», «abadiy — o‘tkinchi» qarama-qarshiliklari bilan o‘zaro bog‘liq holda namoyon bo‘ladi.

Kalit so‘zlar: M. A. Bulgakov, «Master va Margarita», ism poetikasi, onomastika, antroponim, ma’nodor familiya, taxallus, ismsizlik.

СИСТЕМА ИМЁН ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Исмаилов Усаржон Усубжонович
Наманганский государственный институт иностранных языков имени Исхокхона Ибрата, (PhD).

Аннотация.
В статье имена персонажей романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» рассматриваются как целостная система, в которой способ именования указывает на принадлежность героя к одному из миров произведения. На материале текста романа и монографического исследования Е. Ю. Колышевой выделены четыре группы имён: имена заглавных персонажей, многоступенчатое именование Ивана Бездомного, сатирические имена «московских» глав, имена персонажей ершалаимских глав и свиты Воланда. Показано, что в романе действуют три принципа номинации — создание вымышленного имени, подбор достоверного имени и безымянность, — которые соотносятся с оппозициями «правда — ложь», «подлинное — мнимое», «вечное — сиюминутное».

Ключевые слова: М. А. Булгаков, «Мастер и Маргарита», поэтика имени, ономастика, антропоним, говорящая фамилия, псевдоним, безымянность.

THE SYSTEM OF CHARACTER NAMES IN M. A. BULGAKOV’S NOVEL THE MASTER AND MARGARITA

Ismailov O‘sarjon Usubjonovich
Namangan State Institute of Foreign Languages named after Ishokhon Ibrat, (PhD).

Abstract.
This article examines the names of characters in M. A. Bulgakov’s novel The Master and Margarita as an integrated system in which naming conventions indicate a character’s affiliation with one of the fictional worlds represented in the work. Drawing on the novel itself and a monographic study by E. Yu. Kolysheva, the article identifies four groups of names: the names of the titular characters, the multistage naming of Ivan Bezdomny, the satirical names found in the Moscow chapters, and the names of characters in the Yershalaim chapters and Woland’s retinue. The analysis demonstrates that three principles of naming operate in the novel: the invention of names, the selection of authentic names, and namelessness. These principles correspond to the oppositions of “truth versus falsehood,” “genuine versus illusory,” and “eternal versus transient.”

Keywords: M. A. Bulgakov, The Master and Margarita, poetics of names, onomastics, anthroponym, meaningful surname, pseudonym, namelessness.

Введение. Имя персонажа в художественном тексте никогда не бывает случайным: оно одновременно называет героя, характеризует его и включает в определённую культурную традицию. Для М. А. Булгакова выбор имени был предметом долгой и кропотливой работы. Рукописи романа «Мастер и Маргарита», хранящиеся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (фонд 562), показывают, что имена персонажей московского сюжета многократно менялись от редакции к редакции, тогда как некоторые имена, напротив,

ISSN 3060-5059 (Online)

оставались неизменными с первых черновиков [3].

Ономастика романа привлекала внимание многих исследователей: Л. В. Белой, И. Л. Галинской, В. Д. Кулешовой, Б. В. Соколова, М. О. Чудаковой, Л. М. Яновской и других. Наиболее полное систематическое описание имён романа дано в монографическом исследовании Е. Ю. Колышевой, где история каждого имени прослежена на материале архива писателя [3]. Однако имена разных групп персонажей, как правило, описываются по отдельности, тогда как сам роман строится на их противопоставлении. Этим определяется актуальность работы.

Цель статьи — показать, что имена персонажей «Мастера и Маргариты» образуют единую систему, в которой способ именования соотнесён с «миром» героя: миром творчества и любви, сатирически изображённой Москвой 1930-х годов, древним Ершалаимом и «пятым измерением» Воланда. Для достижения цели решаются следующие задачи: охарактеризовать заглавные имена романа; проследить смену имён Ивана Бездомного; классифицировать сатирические имена «московских» глав; выявить общий принцип подбора имён в ершалаимских главах и среди имён свиты Воланда; описать систему принципов номинации в целом.

Материал и методы. Материалом служат текст романа [1] и результаты исследования Е. Ю. Колышевой, включающие количественные данные о частотности имён и сведения о черновых редакциях [3]. Использованы описательный, сопоставительный и этимологический методы, а также элементы количественного анализа. Научная новизна работы состоит в том, что разрозненные наблюдения над отдельными именами сведены в единую модель трёх принципов номинации, соотнесённых с пространственно-временной организацией романа.

ЗАГЛАВНЫЕ ИМЕНА: БЕЗЫМЯННЫЙ МАСТЕР И МАРГАРИТА

Центральное место в системе имён романа занимает герой, у которого нет имени. На фоне множества персонажей, получивших имя даже ради одного упоминания, безымянность мастера становится его самой яркой характеристикой. Исследователи отмечали, что на фоне «некоего буйства именований высится одинокая фигура мастера» (Н. В. Троицкий, цит. по: [3]). Сам герой объясняет свой отказ от имени коротко: «У меня нет больше фамилии, я отказался от неё, как и вообще от всего в жизни» [1].

Принципиально важно, что Булгаков ни разу не пишет слово «мастер» с прописной буквы, если оно не стоит в начале предложения. Слово выполняет функции имени — называет, выделяет и отличает героя, — но сохраняет статус нарицательного, и поэтому в нём «оживает» прямое значение: человек, достигший высокого мастерства в своём деле. Будь это слово написано с заглавной буквы, оно стало бы чем-то вроде клички или титула; написанное со строчной буквы, оно называет внутреннюю сущность героя. Е. Ю. Колышева, вслед за И. Л. Галинской, обращает внимание и на диалектное значение, зафиксированное в словаре В. И. Даля: у раскольников и в орловских говорах мастер — «учитель грамоты по церковным книгам» [3]. Это значение поддержано сюжетом: мастер «угадал» евангельскую историю и называет Ивана своим учеником.

Безымянность в таком прочтении — итог сознательного выбора героя. Никому не известная фамилия, знак земного существования, отпадает, и остаётся «имя духа, имя творчества» [3]. Тем самым в романе продолжается старинная традиция безымянности как знака обобщения: мастер становится общим именем для всех истинных художников и встаёт в один ряд со своими великими предшественниками.

Имя Маргарита, напротив, — самое устойчивое и самое частотное в романе. Оно появляется в черновиках 1931 года и больше не меняется, тогда как имена московских персонажей переделывались многократно [4, с. 363]. По подсчётам Е. Ю. Колышевой, частотность основных имён романа такова (табл. 1).

Таблица 1

Частотность основных имён в романе «Мастер и Маргарита» (по данным [3])

Имя	Число употреблений
Маргарита	605 (а также Маргарита Николаевна — 64, Марго — 8)
Воланд	261
Иван	254
мастер	151

Данные таблицы показывают характерную асимметрию: заглавный герой называется реже всех остальных главных персонажей, а его возлюбленная — чаще всех. Иначе говоря, мастер присутствует в романе прежде всего через Маргариту, её память, поиски и борьбу за него.

Имя героини имеет историко-литературную основу. В нём сходятся Гретхен из «Фауста» И. В. Гёте, героиня романа А. Дюма «Королева Марго» и исторические королевы Маргарита Валуа и Маргарита Наваррская. При этом из «фаустовской» традиции, по замечанию И. Ф. Бэлзы, взято «только имя» (цит. по: [3]): в отличие от Гретхен, булгаковская Маргарита обладает необыкновенно сильным характером и сама идёт навстречу сатане ради спасения возлюбленного. В редакции 1937–1938 годов героиня прямо представлена новым воплощением королевы Марго; в окончательном тексте от этой связи осталось четырежды повторённое наименование «королева Марго» [3]. Этимология имени (греч. μαργαρίτης — «жемчуг») актуализирует мифологическую, фольклорную и христианскую символику жемчужины.

Само заглавие «Мастер и Маргарита» сложилось лишь после 1937 года, когда роман назывался «Князь тьмы». Л. М. Яновская связывает рождение окончательного названия с главой 13 «Явление героя», на которой обрывается рукопись «Князя тьмы» (цит. по: [3]). Союзное соединение мужского и женского имён вписывает роман в ряд произведений «Дафнис и Хлоя», «Тристан и Изольда», «Ромео и Джульетта». Е. Ю. Колышева возводит эту традицию к мифологии и древнегреческому роману и проводит параллель с Филемоном и Бавкидой из

ISSN 3060-5059 (Online)

«Метаморфоз» Овидия: как и те супруги, мастер и Маргарита встречают «чудесных странников» и уходят из жизни в один и тот же миг [3]. Заглавие, таким образом, фиксирует идею единства и гармонии, противостоящую распаду московского мира.

2. УЧЕНИК МАСТЕРА: ИМЯ КАК СТУПЕНЬ ДУХОВНОГО РОСТА

Если мастер лишён имени, то его ученик получает целую парадигму именований, и каждая смена имени отмечает новый этап его пути. По выводу Е. Ю. Колышевой, именование Ивана «является воплощением духовного роста, каждая эпоха которого наделена именем» [3]. Эти этапы можно свести к последовательности из четырёх ступеней.

Бездомный — литературная маска. Псевдоним господствует в первой главе, где употреблён 19 раз, а далее встречается лишь единично, «как крупицы прошлого» [3]. В нём трагикомически отразилась эпоха литературных псевдонимов 1920-х годов; С. Н. Булгаков видел в псевдонимности пародию на священное переименование.

Иван — пробуждение личности. После гибели Берлиоза имя, до того звучавшее лишь в обращениях, становится основным наименованием героя и самым частотным в его парадигме. Это переходная ступень «от неведения к прозрению».

Иванушка — приобщение к истине. Имя появляется после встречи с мастером и сна о казни на Лысой Горе: герой засыпает Иваном, а просыпается Иванушкой. Уменьшительно-ласкательная форма отсылает к фольклорному Иванушке-дурачку, который набирается мудрости в дремоте, и к традиции юродства.

Понырев — возвращение к роду. В эпилоге герой — профессор Иван Николаевич Понырев, сотрудник Института истории и философии. Обретение родовой фамилии подобно второму рождению; вместе с ней герой в буквальном смысле обретает дом и утрачивает «бездомность».

Композиционно этот путь замкнут трёхкомпонентной моделью «Иван Николаевич Понырев», которая встречается в романе дважды — в первой главе и в эпилоге — и служит рамкой всего текста. При этом рукописи показывают, что фамилия Понырев изначально мыслилась автором как комическая [3]. Это заставляет осторожно относиться к сложившейся в литературоведении традиции искать в ней глубокий философский смысл: значение имени формируется не столько этимологией, сколько его местом в сюжете.

Сопоставление Ивана с мастером позволяет увидеть важную закономерность. Учитель приходит к безымянности, отказываясь от земного имени ради имени творчества; ученик, напротив, проходит путь от вымышленного имени к подлинному, родовому. Оба движения направлены в одну сторону — от мнимого к истинному, но реализуются противоположными ономастическими средствами.

3. САТИРИЧЕСКИЕ ИМЕНА «МОСКОВСКИХ» ГЛАВ

Главная черта имён московского мира — комичность, за которой стоят ложь и уродливость изображаемой действительности. Большинство этих имён принадлежит эпизодическим персонажам, появляющимся на страницах романа лишь однажды; само обилие таких имён подчёркивает перенаселённость мира литературы случайными людьми. Вслед за Е. Ю. Колышевой в этом пласте можно выделить пять групп (табл. 2).

Таблица 2

Группы сатирических имён «московских» глав (по классификации [3])

Группа	Принцип именования	Примеры
«Зеркально-откровенные» имена	Слово-основа прямо называет суть персонажа («фамилия-вывеска»)	М.В. Подложная, Богохульский, Двубратский, Лиходеев, Куролесов
«Кривое зеркало обывательщины»	Гротескное неблагозвучие, несоответствие частей имени	Адельфина Буздяк, Ида Геркулановна Ворс, Тамара Полумесяц, Алоизий Могарыч
«Имена-зеркала»	Фамилия знаменитого человека обнажает несоответствие высокому образцу	Берлиоз, Стравинский, Римский, Семплеяров
Имена «маленьких людей»	Уменьшительно-ласкательный суффикс как знак безликости	Аннушка, Денискин, Канавкин, Ласточкин, Манечка
«Цвет времени»	Нейтральные имена из реального именника эпохи	Кирюшка, Фёдор Иванович, Пелагея Петровна

Говорящие фамилии. Фамилии этого типа группируются вокруг нескольких смысловых доминант: ложь (Подложная, Поклёвкина, Сладкий, Двубратский, Хустов, Лапшенникова), демоническое начало (Ариман, Богохульский, Бескудников, Косарчук, Лиходеев, Рюхин), игра (Рюхин, Пятнажко), захватнический характер (Драгунский) [3]. Эти фамилии, как вспышка молнии, на мгновение освещают тщательно скрываемый секрет литературной Москвы — её мнимость.

Гротескные имена. Имена вроде Иды Геркулановны Ворс создают комический эффект не столько за счёт смысла, сколько за счёт звучания и столкновения высокого и низкого: античное «Геркулановна» соседствует с бытовым «Ворс». Этот приём восходит к «потешным именам» Рабле, Мольера, Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Чехова. Название группы взято из заголовка разгромной статьи 1927 года о Булгакове, сохранившейся в его альбоме вырезок: обвинение в романе обращается против самих обвинителей.

«Чужие» имена. Фамилии Берлиоз, Стравинский, Римский не указывают на прототипов: знаменитые

ISSN 3060-5059 (Online)

композиторы здесь — лишь ассоциативный фон. Имя становится «театральным костюмом», внутри которого пустота. Особенно значима фамилия Берлиоз: Гектор Берлиоз обращался к сюжету о Фаусте, и потому имя редактора-атеиста оказывается иронически «наполненным чертовщиной» (В. А. Чеботарева, цит. по: [3]).

«Маленькие люди». Тему, унаследованную от Гоголя и Достоевского, Булгаков переосмысливает: его «маленький человек» не вызывает сострадания, он неглубок и безлик. Уменьшительный суффикс перестаёт быть ласкательным и становится признаком мелкости. Ключевая фигура здесь — Аннушка: это имя проходит через ранние рассказы Булгакова («№ 13. — Дом Эльпит — Рабкоммуна», 1922), где Аннушка также становится невольной виновницей беды. Так безликая толпа у Булгакова получает имя, а имя становится орудием судьбы.

Наконец, нейтральные имена обитателей коммуналок создают достоверный «колорит времени» и служат фоном, на котором особенно заметна нарочитая искусственность сатирических имён.

4. ЕРШАЛАИМ И «ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»: ИМЕНА, НЕ ПРИДУМАННЫЕ, А ПОДОБРАННЫЕ

Имена персонажей «древних» глав и имена Воланда со свитой построены по одному принципу: Булгаков не сочиняет их, а берёт из истории, апокрифов и демонологии, лишь обновляя звучание. Это наблюдение Л. М. Яновской Е. Ю. Колышева кладёт в основу объединения двух групп и их противопоставления вымышленным именам Москвы [3]. Достоверность имени служит «чуду достоверности» ершалаимских глав [5, с. 241] и способствует тому, что свита Воланда воспринимается окружающими как обычные люди (табл. 3).

Таблица 3

Источники и функции имён ершалаимских глав и свиты Воланда

Имя	Источник	Художественная функция
Иешуа Га-Ноцри	Древнееврейская форма имени Иисус и прозвища	Снимает груз церковных ассоциаций: вместо Мессии — человек, сильный верой в добро
Вар-равван	«Доевангельская» форма имени Варавва («сын Аввы»)	Ослабляет каноническую значимость образа
Дисмас, Гестас	Апокрифическое Евангелие от Никодима	Дают имена безымянным в каноне разбойникам, расширяя евангельский сюжет
Воланд	«Фауст» Гёте («Junker Voland kommt»), одно из имён чёрта	Не «явно дьявольское» имя, близкое к иностранной фамилии
Коровьев / Фагот	Русская фамилия; название музыкального инструмента	Два имени для двух миров: «для людей» и «для своих»
Азазелло	Ветхозаветный Азазель + итальянское окончание	Демоническое имя в «певучей» форме
Гелла	Версии: англ. hell, германская Хель, анаграмма греч. «ангел»	Имя звучит лишь в главе 18, до того героиня — просто «девица»

Иешуа и разбойники. Замена греческого «Иисус Христос» еврейским «Иешуа Га-Ноцри», по мысли В. Д. Кулешовой, создаёт новую значимость образа: вместо Спасителя — мудрец, недаром Пилат называет Иешуа философом (цит. по: [3]). Имена разбойников, казнённых вместе с Иисусом, не названы ни в одном из канонических Евангелий [2, с. 165]; апокрифические имена Дисмас и Гестас и «доевангельская» форма Вар-равван работают на тот же эффект: история рассказана «как было на самом деле», а не как в каноне.

Свита Воланда. Демононимы романа имеют конкретные литературные источники, но по звучанию близки к обычным именам и фамилиям (Л. В. Белая, Ю. В. Кондакова). Окружающие воспринимают свиту как людей, и это видно в перифразах: Воланд впервые появляется как «первый человек» в аллее, Гелла остаётся для москвичей «девицей». Наиболее показателен Коровьев: в романе он 207 раз назван Коровьевым и лишь 43 раза Фаготом; кроме того, он сам примеряет маски «регента» (17), «переводчика» (14), «помощника» (5) [3]. «Русская» фамилия нужна ему, чтобы раствориться в советской действительности, а имя Фагот звучит только в кругу «своих».

Бал у сатаны. Имена гостей бала отсылают к реальным историческим лицам и разным эпохам. Рукописи показывают, что в редакции 1937–1938 годов их было больше (среди них Калиостро и маркиза де Бренвилье), но в машинописи 1938 года список сокращён, а часть имён заменена титулами [3]. Это ещё одно свидетельство того, как тщательно Булгаков выверял каждое имя.

5. ТРИ ПРИНЦИПА НОМИНАЦИИ КАК ОСНОВА СИСТЕМЫ ИМЁН

Обобщение рассмотренного материала позволяет утверждать, что в романе последовательно действуют три принципа номинации, каждый из которых закреплён за определённым художественным пространством.

Первый принцип — вымысел. Он господствует в «московских» главах: фамилии сконструированы автором, мотивированы оценочными словами и звучат комически. Вымышленность имени здесь сама по себе знак: мир, в котором люди носят придуманные, «сделанные» имена, — это мир мнимостей, где литература подменена МАССОЛИТом, а творчество — путёвками и дачами.

Второй принцип — подбор достоверного имени. Он объединяет ершалаимские главы и «пятое измерение» Воланда. Имена взяты из истории, апокрифов, демонологии и мировой литературы, лишь слегка изменены по

ISSN 3060-5059 (Online)

звучанию. Достоверность имени соответствует достоверности изображения: древний Ершалаим реальнее современной Москвы, а свита Воланда выглядит «людьми» больше, чем сами москвичи.

Третий принцип — безымянность и устойчивость имени. Он выделяет героев, стоящих над обоими пространствами. Мастер отказывается от фамилии, Маргарита с первых черновиков носит одно и то же имя. Отсутствие имени и его неизменность — два способа выразить одну идею: подлинное не нуждается в маске и не подвержено переделкам.

Образ Ивана оказывается связующим звеном между этими принципами. Его путь начинается с вымышленного имени, характерного для московского мира (псевдоним Бездомный), проходит через фольклорное Иванушка и завершается подлинной родовой фамилией. В истории именования одного персонажа, таким образом, воспроизведена вся система: от мнимого к истинному.

Такая модель объясняет и количественную асимметрию, отражённую в таблице 1. Самыми частотными оказываются имена героев, связанных с миром истины и вечности (Маргарита, Воланд, Иван), тогда как сатирические имена в большинстве своём единичны, «сиюминутны», как и их носители. Частотность имени становится мерой его весомости в художественном мире романа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имена в «Мастере и Маргарите» образуют единую систему, построенную на противопоставлении подлинного и мнимого. Сатирически изображённой Москве, пронизанной ложью, соответствуют вымышленные комичные имена; реалистичности ершалаимских глав и образов Воланда с его свитой — достоверные формы действительных имён [3]. Над этими двумя пластами стоят заглавные герои: безымянный мастер, чьё имя стало именем творчества, и Маргарита, чьё имя связывает роман с европейской литературной традицией.

Между этими полюсами движется Иван: смена его имён от псевдонима Бездомный к родовой фамилии Понырев показывает путь от мнимого к подлинному. Таким образом, способ именования у Булгакова не только характеризует отдельного персонажа, но и указывает на его место в целостной художественной модели мира.

Перспективным представляется сопоставление ономастики романа с именами персонажей ранних произведений Булгакова («Дьяволиада», «Роковые яйца», «Театральный роман»), где уже встречаются и Аннушка, и фамилии знаменитых музыкантов, а также изучение имён романа в переводах на узбекский и другие языки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Собрание сочинений: в 8 т. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2004. – **Т. 5. – 608 с.** – URL: https://l.livelib.ru/book/1000337077. ecat.library.spbu.ru
2. Бэлза И. Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст–1978: литературно-теоретические исследования. – Москва: Наука, 1978. – С. 156–248. – URL: https://biblio.imli.ru/index.php/periodika-imli/520-kontekst/285-kontekst-1978. biblio.imli.ru
3. Колышева Е. Ю. Поэтика имени в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. – Волгоград, 2005. – 304 с. – URL: https://1.dissercat.com/content/poetika-imeni-v-romane-ma-bulgakova-master-i-margarita. 1.dissercat.com
4. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. – Москва: Книга, 1988. – 492, [3] с. – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01008677477. Search RSL
5. Яновская Л. М. Творческий путь Михаила Булгакова. – Москва: Советский писатель, 1983. – 320 с. – URL: https://fantlab.ru/edition310929. fantlab.ru